

Городские метафоры в монашеской экзегетике XII века.

Редькова Ирина Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: irinaredkova@yandex.ru

Термин «экзегетика» происходит от древнегреческого слова ἑξηγήσειν – излагать, изъяснять. Средневековая экзегетика включает в себя всю библейскую герменевтику, созданную западной теологией с 600 по 1500 гг. Для средневекового теолога экзегетика Священного Писания являлась инструментом восприятия действительности, с ее помощью искали ответы как на экзистенциальные вопросы, так и на вызовы времени. В XII веке экзегетика достигла своего наивысшего расцвета.

XII век историки называют временем реформ, временем решающих изменений в политике, социуме, теологии и искусстве [1,2]. Эта эпоха стала временем подъема и развития городов как особой, новой формы социальной жизни в Западной Европе. Цель моего исследования - определить, отразились ли структурные изменения общества в теологических трактатах, и если да, то каким образом это проявилось? Ответы на поставленные вопросы я попытаюсь найти в трактате Гуго Фольетского «О монастыре души».

О Гуго Фольетском известно очень мало. Исследование дошедших до нас рукописей этого автора позволило установить, что Гуго был приором небольшого монастыря регулярных каноников, расположенного недалеко от Корби и Амьена [3]. Самым известным произведением Гуго Фольетского считается теологический трактат «О монастыре души».

Регулярные каноники, к которым принадлежал и Гуго Фольетский, в отличие от монахов-бенедиктинцев, стремящихся к *contemplatio Dei*, придерживались идеала *vita apostolica*, оставаясь, в то же время, монашеским объединением. Задача осуществления одновременно аскетического монашеского идеала и *sua animarum* отразилась и на особенности методов экзегетики автора: именно этими факторами обусловлен интерес к моральному (необходимому в пасторском служении) и мистическому смыслу библейского текста.

Метафоричное восприятие Иерусалима не только как суммы конкретных построек, а сообщества братьев, позволяет Гуго выдвигать утверждение, которое могло показаться, на первый взгляд, оксюмороном: «великий град Иерусалим частично здесь на земле путешествует» (*civitatis magnae Hierusalem adhuc in terris peregrina*), а та часть, что на небесах, «*firmitur locata*». В данном случае автор, перенося значение Иерусалима на общину верующих или Церковь, достаточно далеко отходит от одного из основных значений города - постоянного поселения. И так, возможно, проявляется монашеская традиция идеала «*peregrinatio*».

Для мистического Иерусалима, стены – это Священное Писание, которыми град Божий защищается от «хитроумных козней» и «открытых нападков» врагов. Стражи стен города мистического – учителя Писаний, призванные охранять божественный закон и защищать истину веры. С моральной точки зрения, это «сооружение из добрых дел» верующей души, которые приуготовливают ей укрепления в день рассеяния.

В мистическом смысле ворота Иерусалима являются для Гуго «увещаниями святых отцов», через которые входят в Церковь и далее следуют к жизни вечной. Эта категория у него подразделяется на два вида: ворота злых и ворота добрых учителей. Врата злых учителей при следующем мистическом переосмыслении превращаются в «перевернутые измышления», а врата добрых – в «святые увещания».

Деятельность учителей Церкви – мистического Иерусалима – это врата, которые «разрушены и лежат на земле», если прелаты воспылают любовью к земным вещам. Эти врата подняты настолько, насколько предстоятели взыскуют небесного.

При моральной интерпретации текста (Иерусалим как душа верующего) под воротами Гуго понимает различные чувства человека, поскольку через них входит и выходит то, что укрепляет и сохраняет жителей *civitas*. Эти врата «являются разрушенными и брошенными на землю, когда плотские чувства земными страстями глубоко уязвлены».

В воротах Навозных Иерусалима Гуго увидел добродетель обращения, так как через них навоз из города вывозится. Так и обращение необходимо, чтобы от греховной мысли рожденное отбрасывалось.

Гуго обращает внимание на то, что Навозные ворота и врата Источника расположены рядом и видит в подобном расположении этих двух ворот моральный смысл: ворота Источника для него – это слезы раскаяния, которые очищают зловоние преступления.

Особое внимание Гуго уделяет моральному и мистическому толкованию ворот моста. Мост для него – это образ перехода, образ обращения от пороков к добродетелям, а также это свидетельство раскаяния и крестных мук, потому что для его строительства требуется дерево, которое в христианской традиции было символом креста, с помощью которого плоть подчиняется «переходящей» ко граду Божьему душе. Этот мост от пороков к добродетелям строится покаянием.

Гуго Фольетскому свойственно достаточно цельное употребление архитектурных элементов ландшафта Иерусалима в морально-мистическом толковании. При этом экзегет демонстрирует знание городских реалий жизни и назначения каждого объекта (как, например, необходимость вывоза навоза через специальные ворота и существование отдельных ворот для загоня скота). Трактат «*De clauastro*» показывает, насколько свободно и широко использовали каноники архитектурные метафоры в своих богословских трудах. Это свидетельствует, во-первых, о том, что данные категории городского ландшафта были не чужды самим авторам, и, во-вторых, были, вероятно, понятны целевой аудитории регулярных каноников – жителям городов. Гуго использует образ города для построения своих концепций (моральное учение и мистическое). Таким образом, не являясь предметом исследования, город имплицитно присутствует в экзегезе этого теолога начала XII века.

Литература

1. Constable G. The reformation of the 12th century. Cambridge.: Cambridge University Press. 1996.
2. Beinert W. Die Kirche– Gottes Heil in der Welt: Die Lehre von der Kirche nach den Schriften des Rupert von Deutz, Honorius Augustodunensis und Gerhoch von Reichersberg // *Beitraege zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters*. Münster. 1973, NF 13.
3. Peltier H. Hugues de Fouillois. Chanoine regulier, prieur de Saint-Laurent-au Bois// *Revue du Moyen Age Latine*. 1946. V. II. P.1, №1/4, p. 25-44.
4. Hugo de Folieto. *De clauastro animae*. PL 176. Col. 1017-1187.